

В.Г. Маранцман

«Памятник»

Державин, переводя вслед за Ломоносовым Горация, создал пьедестал пушкинского «Памятника». Сила поэзии для Державина могущественнее даже законов природы, которым он единственно готов быть подчинен («водим»). Памятник чудесен именно этим превосходством над природой («металлов тверже», неподвластен вихрям, громам, времени) и над славой «земных богов» — царей. Памятник поэта «выше пирамид». Гораций видел залог своего бессмертия в мощи Рима: «Я буду возрастать повсюду славой, Пока великий Рим владеет светом» (перевод Ломоносова). Державин прочность своей славы видит в уважении к своему отечеству, прекрасно обыгрывая общность корня в словах «слава» и «славяне»:

И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род Вселенна будет чтить.

Свои заслуги Державин видит в том, что сделал русский слог «забавным», то есть веселым, простым, острым. Поэт «дерзнул... возгласить» не о подвигах, не о величии — о добродетелях императрицы, то есть отнестись к ней, как к обычному человеку, говорить о достоинствах ее человеческих. Поэтому здесь употреблено слово «дерзнул». Вообще же в «Памятнике» Державин видит свою заслугу в поэзии в том, что сохранял человеческое достоинство, искренность, справедливость, что мог

В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить.

Последняя строфа стихотворения свидетельствует о том, что Державин не надеется на единодушное одобрение современников. Муза Державина и на пороге бессмертия сохраняет черты воинственности и величия:

О Муза! Возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой неторопливой
Чело твое зарей бессмертия венчай.